

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка»
Исторический факультет

**БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ
(IX–XXI вв.)**

Материалы
Республиканской научно-теоретической конференции
Минск 29 июня 2017 г.

Минск
РИВШ
2017

УДК 323(476)(091)(082)

ББК 66.3(4Бел)я43

Б43

Рекомендовано

советом исторического факультета
УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»
(протокол № 10 от 24 мая 2017 г.)

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук доцент *А. В. Касович* (отв. ред.);
кандидат исторических наук доцент *С. П. Шупляк*;
кандидат исторических наук доцент *А. А. Корзюк*;
кандидат исторических наук доцент *А. Ф. Великий*

Рецензенты:

доктор исторических наук профессор *А. М. Лютый*;
доктор исторических наук профессор *И. В. Варивончик*

Белорусская государственность: истоки, становление,
Б43 развитие (IX–XXI вв.) : материалы Респ. науч.-теорет. конф.,
Минск, 29 июня 2017 г. / редкол.: А. В. Касович (отв. ред.)
[и др.]. – Минск : РИГШ, 2017. – 232 с.
ISBN 978-985-586-041-0.

В сборнике представлены актуальные материалы исследований,
посвященные проблемам белорусской государственности в истори-
ческом, социально-культурном и геополитическом аспектах.

Адресуется преподавателям, аспирантам и студентам вузов.

УДК 323(476)(091)(082)

ББК 66.3(4Бел)я43

ISBN 978-985-586-041-0

© Оформление. ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2017

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ВТОРОГО БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ковьяко И.И., кандидат исторических наук, доцент, БГПУ, Минск

Проблема определения хронологических рамок второго Берлинского кризиса занимает важное место в работах историков-германистов Великобритании и США. В определении даты начала кризиса среди представителей англо-американской историографии не наблюдается серьезных расхождений. Авторы начинают изучение кризиса с ноября 1958 г. Выбор даты обусловлен нотой Н.С. Хрущева руководителям трех западных государств, которая была направлена 27 ноября 1958 г. и получила в западной историографии условное название «берлинский ультиматум». В документе содержались предложения советской стороны по приданию Берлину статуса демилитаризованного вольного города и заключению мирных договоров с ФРГ и ГДР. При этом оба немецких государства должны были зафиксировать свой безъядерный статус. В случае отсутствия положительного решения вопроса в течение шести месяцев, Советский Союз сообщал о готовности заключить сепаратный мирный договор с ГДР и передать ей контроль над доступом в Западный Берлин [1; 2; 3; 6; 9; 11; 12].

Однако в определении даты окончания второго Берлинского кризиса среди историков Великобритании и США единая позиция отсутствует. В англо-американской историографии существуют три основных подхода к определению даты окончания кризиса. Одна группа исследователей (К. Шейк, Ф. Тейлор) связывает окончание кризиса с инцидентом у пропускного пункта «Чарли» в октябре 1961 г., который рассматривается как свидетельство победы западных стран в «битве за Западный Берлин». С возведением Берлинской стены в августе 1961 г. СССР и ГДР «опередили восточный Берлин и начали атаку на Западный Берлин» [11; 13]. Следовательно, возведение стены не ознаменовало окончание Берлинского кризиса. Инцидент у контрольно-пропускного пункта «Чарли» на границе восточного и западного секторов Берлина произошел 27 октября 1961 г. В ходе показательного «танкового противостояния» США и СССР обе стороны убедились во взаимном нежелании начинать вооруженный конфликт. С другой стороны, и западные державы, и СССР продемонстрировали решимость жестко защищать свои интересы в Берлине. Однако мирный и взаимный отвод советских и американских танков от контрольно-пропускного пункта продемонстрировал крайне низкую вероятность перерастания кризиса в вооруженную фазу. Инцидент у пункта пропуска «Чарли» стал «одним из решающих моментов в битве за Германию», он продемонстрировал непреклонность западной стороны и разрушил образ ГДР как суверенного государства, которое может действовать на равных с западными союзниками. Инцидент также положил конец ожиданиям восточногерманского руководства, что Западный Берлин может быть включен в состав ГДР путем прямых действий [11; 13]. И СССР, и США, находясь на пороге войны, сделали однозначный выбор в пользу мирного урегулирования конфликта. Благоприятный исход «танкового противостояния» стимулировал серию переговорных инициатив по берлинскому и германскому вопросу в первой половине 1962 г.

Вторая группа историков – У. Смайсер, Дж. Кастнер, Н. Эштон, Дж. Шик, Дж. Гирсон – указывают на прямую взаимосвязь Берлинского и Карибского кризисов. Авторы отмечают, что возможные уступки со стороны США по кубинскому вопросу могли кардинально изменить ситуацию в Берлине. В первой половине 1962 г. США и Великобритания полагали, что признание статус-кво в разделенной Германии и Берлине будет способствовать стабилизации ситуации в Европе, в то время как ФРГ и Франция придерживались противоположной позиции. В течение января – марта 1962 г. Дж. Кеннеди провел «зондирование» советской позиции. Американская сторона заявила о готовности обсуждать вопросы признания ГДР и границы по Одеру–Нейсе, создания безъядерной зоны в Центральной Европе, заключения пакта о ненападении между НАТО и ОВД и др. Эти предложения не встретили поддержки в Москве, т.к. «Хрущев хотел признания ГДР, но не хотел передавать реальную власть Ульбрихту», предложения США «помогали Ульбрихту получить больше, чем этого хотел Хрущев» [12, р. 181]. Американский историк У. Смайсер

сравнивает политику Дж. Кеннеди в данный период с курсом Н. Чемберлена в 1938 г. «Зондирование» негативно сказалось на отношениях западных союзников, а СССР и ГДР «упустили великий шанс на благоприятное разрешение проблемы Берлина» [12, р. 182–183]. По мнению У. Смайзера, отсутствие интереса Москвы к инициативам США было также связано со стремлением Н.С. Хрущева перехватить инициативу путем «быстрого и решительного изменения баланса сил в пользу СССР». Размещение ракет на Кубе должно было «нейтрализовать стратегическое превосходство США». Если бы Дж. Кеннеди уступил в кубинском вопросе, он проиграл бы и в Берлине [12, р. 186–187]. Результат Кубинского кризиса изменил тон и сроки переговоров по Берлину, СССР отказался от всех сроков по заключению мирного договора с Германией. Таким образом, Запад «одержал блестящую победу в борьбе за Германию в далеких водах Карибского моря», окончательное урегулирование Карибского кризиса в октябре – ноябре 1962 г. позволило поставить точку в берлинском вопросе [1; 3; 4; 6; 10; 12, р. 192].

Третья группа исследователей (Д.К. Уотт, Т. Банхоф, К. Кибл) связывает окончание Берлинского кризиса с подписанием Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой в августе 1963 г. и его вступлением в силу в октябре 1963 г. Выбор данной даты авторы объясняют высокими рисками ядерного конфликта в ходе второго Берлинского кризиса. Именно подписание и ратификация Договора в 1963 г. позволили окончательно устранить опасность атомной войны. После Кубинского кризиса государства «отступили от края ядерного конфликта» и начали переговоры по вопросу нераспространения ядерных вооружений [2, р. 66; 7, р. 214; 14, р. 208].

Таким образом, среди историков-германистов Великобритании и США противоречий по вопросу датировки начала второго Берлинского кризиса не установлено. Однако в определении даты окончания кризиса в англо-американской историографии были выявлены три подхода. Одна группа исследователей связывает окончание кризиса с благоприятным разрешением противостояния у контрольно-пропускного пункта «Чарли» (октябрь 1961 г.). Вторая группа историков соотносит окончание Берлинского кризиса с разрешением Карибского кризиса (октябрь–ноябрь 1962 г.). Третья группа исследователей рассматривает в качестве даты окончания второго Берлинского кризиса октябрь 1963 г., что связано со вступлением в силу Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

Литература

1. Ashton, N.J. *Kennedy, Macmillan and the Cold War: the irony of interdependence* / Nigel J. Ashton. – London: Palgrave Macmillan, 2002. – 288 p.
2. Banchoff, T. *The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995* / Thomas Banchoff. – Michigan: The University of Michigan, 1999. – 230 p.
3. Gearson, J. *Harold Macmillan and the Berlin Wall crisis, 1958–1962* / John Gearson. – London, 1998. – 295 p.
4. Gearson, J. *Origins of the Berlin Crisis* / John Gearson // *The Berlin Wall Crisis* / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 33–44
5. Gellhoe, B., Edmonds, A. *Eisenhower, Macmillan and Allied United, 1957–1961* / Bruce Gellhoe, Anthony Edmonds. – New York: Macmillan, 2003. – 228 p.
6. Kastner, J. *The Berlin Crisis and the FRG, 1958–1962* / Jill Kastner // *The Berlin Wall Crisis* / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 148–170
7. Keeble, C. *Macmillan and the Soviet Union* / Curtis Keeble // *Harold Macmillan: Aspects of a political life* / Ed. by R. Aldous, S. Lee. – London: Macmillan, 1999. – p. 195–216
8. Lee, S. *Pragmatism versus principle. Macmillan and Germany* / Sabine Lee // *Harold Macmillan: Aspects of a political life* / Ed. by R. Aldous, S. Lee. – London: Macmillan, 1999. – p. 113–130
9. Newman, K. *Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis* / Kitty Newman. – London; New York: Routledge, 2007. – 227 p.

10. Schick, J. The Berlin Crisis 1958–1962 / Jack Schick. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. – 266 p.
11. Shake, K. A broader range of choice? US Policy in the 1958 and 1961 Berlin Crises / Kori Shake // The Berlin Wall Crisis / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 45–65
12. Smyser, W. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / William Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.
13. Taylor, F. The Berlin Wall. A world divided. 1961–1989 / Frederick Taylor. – New York: Harper Collins, 2006. – 533 p.
14. Watt, D.C. Anglo-German relations today and tomorrow / Donald Cameron Watt // Britain and West Germany. Changing societies and the future of foreign policy / Ed. by K. Kaiser, R. Morgan. – London: Oxford University Press, 1971. – P. 204–218.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Корзюк А.А., кандидат педагогических наук, доцент, Б ПУ, Минск

Процесс обучения истории в учреждениях общего среднего образования состоит из ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных **компонентов**: целей обучения, содержания исторического образования, преподавательской деятельности учителя, учебной деятельности учащихся, форм, методов, приемов и средств обучения и его результатов.

Реализация компетентностного подхода в процессе обучения истории предполагает качественно новое содержательное наполнение данных компонентов, что необходимо учитывать в процессе профессиональной подготовки будущих учителей истории.

Цели обучения истории являются одним из важнейших компонентов процесса обучения. Общие цели изучения учебного предмета, как правило, формулируются в нормативных документах – Концепции учебного предмета, Образовательном стандарте, учебных программах по предмету и конкретизируются в календарно-тематическом и поурочном планировании. Эффективному формированию образовательных компетенций учащихся может способствовать использование **диагностического целеполагания** – описания целей таким образом, чтобы можно было отследить степень их достижения. Это достигается за счет постановки **дидактической цели** урока через результаты обучения, которые выражены в учебных действиях учащегося. По сути, в рамках данного подхода дидактическая цель урока представляет собой перечень метапредметных и предметных результатов освоения содержания учебного материала учащимися.

Возможный механизм **диагностического описания целей** был предложен американским ученым Б. Блумом [1, с. 48]. Он может быть представлен следующим образом:

1. В планируемом для изучения учебном материале определяются учебные элементы, которые будут изучаться на уроке (понятия, факты, явления и т. д.).

2. К каждому учебному элементу определяются учебные действия, которыми учащиеся могут овладеть к концу учебного периода (урока, учебной темы или раздела). Содержание этих действий необходимо определять в зоне ближайшего развития учащихся данного класса с учетом содержания образовательных компетенций.

В соответствии с этим, формулировка дидактической цели в поурочном плане могут быть записаны следующим образом: «Предполагается, что к окончанию урока учащиеся будут уметь...»; «По итогам изучения темы учащиеся должны знать...»; «Готовность учащихся выполнить следующие задания...» и т. п.

3. По каждому из выделенных действий подбирается вопрос или задание, с помощью которого можно судить, овладел ли учащийся данным действием. Таким образом, можно сказать, что дидактическая цель урока в данной модели – это перечень формируемых компетенций учащихся.

В результате этого достигается четкое и конкретное описание целей, усилия и внимание учащихся и учителя концентрируется на главных ориентирах в их познавательной